

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-237-251

Научная статья

Постмодернизм в литературе Северного Кавказа: на материале романа Дины Дамиан «В вашем мире я — прохожий»

А.В. Каспарова

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова,
Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика,
360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173
 armine07kasparova@gmail.com

Аннотация. В середине XX столетия академик Г. Д. Гачев выдвинул теорию «ускоренного развития», согласно которой литературы миноритарных народов, по ряду разных причин задержавшиеся в своем развитии, способны в один момент включиться в единый мировой процесс и за короткий срок догнать и перегнать высокоразвитые литературы. В представленной статье правомерность гачевской теории доказывается на примере северокавказской постмодернистской литературы, которая сложилась в единую школу. На материале романа Дины Дамиан (псевдоним Мадины Тлостановой) «В вашем мире я — прохожий» показано, как один «бурный гений» в лице кабардинской писательницы выполняет двуединую задачу: поднимает на небывалую высоту региональный постмодернизм и в то же время обогащает мировую литературу инновационной поэтикой и целой серией оригинальных философских идей. В романе решается и ряд других задач, связанных с уточнением философских, исторических, социальных, эстетических корней постмодернизма.

Ключевые слова: постмодернизм, литература, Северный Кавказ, роман, Дина Дамиан, гендер, интертекст, поэтика, символика

История статьи: поступила в редакцию: 04. 02.2022; принята к печати: 04. 04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Каспарова А.В. Постмодернизм в литературе Северного Кавказа: на материале романа Дины Дамиан «В вашем мире я — прохожий» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 237–251. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-237-251

© Каспарова А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Postmodernism in the Literature of the North Caucasus: Based on Dina Damian's Novel "In your World I am a Passer-by"

A.V. Kasparova

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
173, Str. Chernyshevskiy, Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation
 armine07kasparova@gmail.com

Abstract. The Russian academician G.D. Gachev in the middle of the 20th century put forward the theory of "accelerated development", according to which the literary systems of minority peoples, which for a number of different reasons were delayed in their development, are able at one moment to join in a single world process and in a short time to catch up and overtake highly developed literature. In the presented article, the legitimacy of the Gachev theory is proved on the example of the North Caucasian postmodern literature, which has developed into a single school. Based on the novel by Dina Damian (a pseudonym of Madina Tlostanova) "I am a passer-by in your world", it is shown how one "stormy genius" in the person of a Kabardian writer performs a dual task: it raises regional postmodernism to an unprecedented height, and at the same time enriches world literature with innovative poetics and a whole series of original philosophical ideas. The novel solves a number of other tasks related to clarifying the philosophical, historical, social, and aesthetic roots of postmodernism.

Key words: postmodernism, literature, North Caucasus, novel, Dina Damian, gender, intertext, poetics, symbolism

Article history: Received: 04.02.2022; Accepted: 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Kasparova, A.V. 2022. "Postmodernism in the Literature of the North Caucasus: Based on Dina Damian's Novel "In your World I am a Passer-by"". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (2), 237—251. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-237-251

Введение

Литературная основа художественного текста есть синтез составляющих его частей: художественного вымысла и рефлексии самого автора, касающейся реальной для него картины мира. Процесс смены одного направления и начало следующего подтверждает изменяемость не только событийную — историческую, но и внутреннюю, иными словами, «тезаурус» человеческой души.

Касаясь вопросов взаимодействия человеческой мысли и философских направлений, необходимо учитывать «этнокультурные» особенности автора. В контексте мирового литературного потока существует основной перечень культурных эпох, которые характеризуются особыми принципами и условиями, создающими концепции новых мыслей и образов. Однако в матрице трех основ — мировой, русской и национальной литератур — эти направления, внедряясь в микрокосм

народности, образуют свое условное видение. Так, многие эпохи и направления, актуальные на Западе, нашли совершенно другое отражение в русской и национальной литературах. Оригинальная концепция Г.Д. Гачева о важности этнокультурного самовыражения, о наличии у каждого народа своей уникальной «сетки мыслительных координат», обусловленной ландшафтом и культурным кодом, внесла огромный вклад в понимание национальной литературы и ее исключительного уклада [1. С. 34].

Космос, Логос и Психея национального мира шли другим путем литературного развития. Система идей, заложенная в национальной литературе, как правило, имеет ярко выраженную, прочную связь с мифологическим прошлым, отражая подвиги героев, древнюю культуру и традиции, важные общественные, исторические и личные устои.

Изложенная концепция удачно подходит к тому, что называется «теорией ускоренного развития» Г.Д. Гачева, в основе которой лежит мысль о том, что младописьменные литературы в XX в. совершают огромный скачок в своем развитии, опираясь на мировой классический опыт [2. С. 9].

Обсуждение

С приходом социалистического реализма многие важные темы национальной жизни подлежали цензуре, а выражение тотального и счастливого «мы» встречалось в каждом новом романе. Такой порядок вещей создавал видимость утрированного благополучия и имел накопительную составляющую.

В XX веке концепция мира сильно изменилась; перемены в духовной жизни начались с распространения европейского самосознания, в которое была включена и русская интеллигенция. Век модернизма сформировался под влиянием Нового времени, которое мыслилось как отрицание всего старого и создание инновационных инструментов для описания мира. По словам современных литературоведов, стремление полнее отобразить человека Новейшего времени заменило прежде известные инструменты: творчество оказалось в открытом пространстве, в котором исчезли сами критерии художественности. Новизна теперь рождается из преодоления узких цеховых границ. Художник оценивается не по тому, что он умеет, а по важности идей и глобальности выражения, которые он внедряет в жизнь.

Направление постмодернизма породило философскую составляющую образа художника, теперь он не только творец, но создатель целого ряда духовных идей. Важный аспект этого направления заключается в «неподражаемой странности» взглядов самого автора: предельная субъективность, мысль индивидуальности этого мира [3. С. 7].

Философские корни постмодерна имеют опосредованное отношение к романтизму, суть которого определяет принцип двоемирия. Мир реальный и ирреальный, романтический трагизм «малости», несовершенство мира и разочарования по-новому нашли отражение в «смерти» супероснований постмодернизма: Бога (Ницше), автора (Барт), человека (гуманитарности). Подобная тенденция исторически обусловлена, поскольку направление модерна, излагающее новое по-

нимание мира, заставило идти постмодернистов по иному пути — в своей художественной практике постмодернизм стремится к снижению и пародийному обыгрыванию идеи авангарда, классических образов и устоявшихся концепций.

Теперь мир воспринимается человеком как огромное пространство без времени, в котором соединяются все направления и идеи в одно громадное интертекстуальное поле. «Пространство постмодернистской реальности — прореха, через которую открывается зияющая пустота НИЧТО» [3. С. 8]. Главная и яркая идея постмодерна состоит в том, что реальность — иллюзия. Особое отражение такая концепция нашла в изобразительном искусстве, где каждый образ является незавершенной стадией чего-либо — абстракция — существует только сомнительный набросок важного, но никак не его уточнение или название.

Таким образом, реальность находится под сомнением, поскольку все уже сказано и открыто, остается только переосмыслить известное до неузнаваемости для того, чтобы вновь найти инструменты для описания мира. Долговечность, традиционность, наследственность, сохранность не принимаются в расчет; создается уникальное саморазрушение и панк-стилистика, где любое точное описание мира происходит через абсурд и нелепость.

Подобное умонастроение создавал факт двоемирия реальности второй половины XX в.: высокий уровень культурного и духовного развития — и войны, репрессии, разочарование в идеях эволюции и научных открытиях; появление атомной бомбы — и холодная война; открытие космоса — и невозможность жить и гармонично существовать на собственной планете — все это наложило сильнейший отпечаток на духовный мир человека, заставив его сомневаться в истинности добра, а значит, и в существовании мира.

В фильме Андрея Тарковского «Солярис» по одноименному роману Станислава Лема один из героев (Снаут) дает подробное описание человеческих стремлений, заключая, что только любовь может стать настоящим спасением:

Должен вам сказать, что мы вовсе не хотим завоевывать никакой космос. Мы хотим расширить Землю до его границ. Мы не знаем, что делать с другими мирами. Нам не нужно других миров. Нам нужно зеркало. Мы бьемся над контактом, и никогда не найдем его. Мы в глупом положении человека, рвущегося к цели, но которой он боится, которая ему не нужна. Человеку нужен человек [4].

Человек постмодернизма самоустраняется, а за ним и все остальное, субъект выпадает из процесса развития. В этом случае мы наблюдаем новое начало темы «лишнего человека», «маленького человека», который скорбит по утраченной осмысленности.

У каждой национальной литературы есть «свой» постмодернизм. Исключением не являются и народы Северного Кавказа. Культурная память, сохранившаяся на генетическом уровне, произвольно воспроизводит в умах людей страшные кадры из исторического прошлого: последствия Кавказской войны (1817—1864), революции и снова войны, депортация, тоталитаризм, при этом каждодневная борьба за жизнь на фоне богатого и уникального культурного и духовного наследия — парадокс.

Ретроспективный взгляд на историю кабардинского народа описан в уникальном романе классика кабардинской литературы Алима Кешокова «Корни». Произведение, во многом основанное на документальных фактах, вобрало в себя элементы адыгской этнокультуры, а также философские размышления о предках, жизненных устоях, поиске корней целого народа и неоднозначных страницах национальной истории. Повествуя о сложных и страшных временах, Алим Кешоков приводит в пример леденящий душу сюжет из архаичной жизни предков:

Рождается девочка, и мать зашивает молитву-дуа в кусочек сыромятной кожи, чтобы отвести от нее недобрый глаз. А к чему ждуть недобрых глаз со стороны, если родной отец обратит на нее свой взор, едва станет трудно кормить семью. Девочку можно продать, зато семья будет спасена от голодной смерти [5. С. 230].

Подобные факты парадоксальным образом сосуществуют в национальной памяти и художественной литературе рядом с идеализированными образами черкешенок, традицией уважительного отношения к женщине, почитанием собственных высокодуховных обычаев и традиций. Воспроизведенные писателем трагические этюды — своего рода большая психологическая травма народа, боль, о которой не принято говорить, но она есть, никуда не исчезает, и — более того — становится питательной средой для «Космо-Психо-Логоса» северокавказских постмодернистов.

Новейшее время постмодерна стирает границы между традиционной культурой и реальной жизнью, между этническим и общеевропейским, между мужчиной, который исходя из культурного кода всегда лидирует, и женщиной, чья сущность никогда не была похожей на «механическую куклу, к которой зачем-то присоединили мозг» [6. С. 121].

Ряд северокавказских народов (балкарцы, ингуши, карачаевцы, чеченцы) в результате сталинских репрессий испытали невероятные тяготы, связанные с депортацией. Национальный признак был единственной причиной наказания: людей отрывали от исконной среды обитания, привычного климата и ландшафта. Страшная трагедия для народа — потерять родину, свою территорию национального духа, где на протяжении веков развивалась уникальная этнокультура. Касаясь конкретно истории Кабардино-Балкарской Республики, следует отметить, что эту участь разделили оба народа: переселение значительной части кабардинцев во времена Кавказской войны в пределы Османской империи и депортация балкарцев во время Второй мировой войны на земли Казахстана и Киргизии.

Подобного рода кризисные, трагические события предопределили особое мировоззрение постмодернистов, связанное с полным отрицанием любых форм тоталитаризма, отказом от привычных представлений о границах «добра и зла», «эволюции и прогресса», «должного и недолжного». Постмодернизм блокирует идущее от просветителей разумное представление о правильной модели существования человека на земле.

Национальная специфика постмодерна развивалась в контексте советского прошлого. Западное развитие этого направления шло полным ходом, тогда как в СССР слышались только робкие голоса прогрессивной молодежи. В этой сре-

де особое место занимал поэт Иосиф Бродский (1940—1996), который привнес в русскую поэтическую мысль тенденции, каковых до него еще не было. Соединение разных стилей и жанров, уникальная техника стихосложения, интертекстуальная плотность стихотворений, ряд аллюзий на всю мировую культуру и литературу предопределили новый вид русской поэзии.

В центре художественного произведения теперь находится авторское Я в своем индивидуальном выражении не только темы человека и искусства, но и политической системы. Выступая с лекцией в Стокгольме в день получения Нобелевской премии, И. Бродский отметил: «Политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающаяся навязать себя настоящему, и человек, чья профессия язык, — последний, кто может позволить себе позабыть об этом. Мне думается, что потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать, прежде всего, не о том, как он представляет себе курс иностранной политики, а о том, как он относится к Стендалю, Диккенсу, Достоевскому» [7. С. 815—819].

Стремление к свободе, революционность, желание ветра перемен обретали всю большую актуальность и составляли культурный контекст советского постмодернистского времени, квинтэссенцию исторического опыта и культуры всего литературного пространства.

Следует сказать о том, что в конце XX столетия идеи постмодернизма на Северном Кавказе будоражили умы многих рефлексирующих молодых авторов, которые понемногу «пробовали на зуб» новую культурную парадигму и новую повествовательную технику. Веками устоявшийся авторитет, нормы и традиции, свой собственный культурный код не сразу позволили зародиться этому направлению. Однако глобальные перемены, расширение зоны интересов и стремление объяснить до этого времени невозможное, но существующее в национальном микрокосмосе конца XX в., все же способствовали появлению постмодерна на юге России.

Одной из первых предприняла попытку осмыслить феномен постмодернизма в литературе Северного Кавказа Т.Б. Гуртуева. В 1994 году она издала книгу с примечательным названием «Маленький человек с большой буквы. Поэзия Северного Кавказа в контексте постмодернизма». В ней автор с опорой на зарубежных и отечественных специалистов раскрывает сущностные черты постмодернизма как литературного направления и специфического способа мировосприятия. Во второй части книги, подкрепляя свои теоретические положения иллюстративным материалом, автор анализирует произведения таких «региональных постмодернистов», как Т. Толгуров, С. Кабалоев, Н. Рендаков, Дж. Кошубаев, Арк. Кайданов, Т. Кибиров. Она отмечает, что «трагизм, в котором сплелись безволие, бездомность, одиночество и несогласительство, рождает поэзию нашей эпохи» [3. С. 46].

Ценители инновационного жанра так и жили с твердым убеждением, что перечисленные Т.Б. Гуртуевой авторы — это и есть альфа и омега северокавказской постмодернистской литературы. Это убеждение решительно было пересмотрено в 2006 г., когда яркой художественной «кометой» в мужской мир горцев-постмо-

дернистов ворвалась Дина Дамиан со своим экстравагантным по названию и шокирующим по содержанию романом «В вашем мире я — прохожий». Здесь сразу отметим, что под этим псевдонимом публикует свои произведения уроженка Кабардино-Балкарии, потомок старинного кабардинского рода (по отцу) Мадина Тлостанова (р. 1970). Допускаем, что любовь к постмодернизму была ей привита матерью — легендарной Рано Нобиевной Каюмовой, большим знатоком мировой культуры и талантливейшим преподавателем истории зарубежной литературы в Кабардино-Балкарском госуниверситете.

Как общественность восприняла роман? Для ответа на этот вопрос достаточно привести цитату из рецензии тех лет: «Мнения читателей разделились. Многие восприняли отдельные новеллы, касающиеся Кабардино-Балкарии, как обиду и даже личное оскорбление» [8. С. 4]. Известный афоризм «Нет пророка в своем отечестве» оказался определяющим в оценке публикой автора самого неординарного произведения за всю историю адыгской, и — шире — северокавказской литературы. Что касается «личного оскорбления», это так же странно, как было бы странно обвинять Л.Н. Толстого в создании образа Анны Карениной, порочащей образ всех русских женщин.

М. Тлостанова говорит о своем романе следующее: «Эта книга является в какой-то мере продолжением и параллельностью к моим научным изысканиям последних лет, которые счастливым образом соединяют экзистенциальную ситуацию человека, лишенного, по Салману Рушди, четырех якорей души — места, обычаев, языка и людей, и социально-политическую и этическую позицию, которую я разделяю как ученый» [8. С. 4].

Нельзя сказать, что с той поры кардинально поменялось отношение к авангардной писательнице, но тем не менее значительная часть прогрессивной кавказской интеллигенции признает ее художественное мастерство высочайшего уровня. Так, доктор философских наук Х.Г. Тхагапсоев пишет: «Получается так, что на Кавказе едва ли не в авангарде новой, постсоветской и во многом постмодернистской по духу, философии и эстетике литературы, соотносящей “этническое” с мировой культурой и мировыми культурными трендами, стоят женщины — Мадина Тлостанова и Алиса Ганиева» [9. С. 93].

Мадина Тлостанова не только прозаик. На сегодняшний день это ученый с мировым именем в области постколониальной литературы, философ, гендеролог, профессор Университета Линчёпинга (Швеция), лектор международного уровня. Ее можно назвать человеком «с двумя мирами», учитывая, что она сочетает в себе вселенское и локальное, западное и восточное. Парадоксальным образом ее высокий литературный уровень определяет в целом уровень мирового постмодернизма, и в то же время «отсвет» этой высоты падает и на национальную модель постмодернистской литературы. В этом творчество Д. Дамиан можно сравнить с творчеством Габриэля Гарсиа Маркеса, Чингиза Айтматова и других всемирно известных авторов родом из национальных глубин.

Подчеркивая новаторский характер анализируемого произведения, З.А. Кучукова отмечает, что «эта книга с первых страниц расшатывала “кавказский хребет” вековых морально-этических устоев, “сквозняком” инновационных понятий

и точек зрения на ценности жизни “проветривала” идеологический тезаурус в головах все еще “советских горцев”» [10. С. 353].

По признанию самого автора, новеллистический роман «В вашем мире я — прохожий» написан в рамках совмещения постколониальной и гендерно-маркированной литературы, что было новинкой для российской художественной словесности на тот момент.

Теория «ускоренного развития» Г.Д. Гачева продолжает работать. В настоящее время можно наблюдать ход перезагрузки «советской» национальной литературы под влиянием новеллистического романа Дины Дамиан, располагающегося в совершенно другой художественной парадигме — по своему жанрово-стилевому признаку, построению текста, заданным символам и подтекстам. Нам еще предстоит всесторонне исследовать влияние этого романа на индивидуальную поэтику литераторов Северного Кавказа. Но сегодня уже определенные перемены ощутимы, судя по некоторым публикациям молодых авторов в республиканском журнале «Литературная Кабардино-Балкария».

По словам М. Глостановой, ее роман предполагал иного читателя и иную критическую традицию, которых еще не существовало. «Этот гипотетический читатель — транскультурный и многоязыкий, прошедший через модернистское, постмодернистское и постколониальное горнило, и скорее всего, сам — в какой-то мере пограничная и транскультурная, а значит неприкаянная личность, которой ведомо больше, чем любому монокультурному индивиду, поскольку внутри него совершается постоянный двойной перевод и неизбежно, двойная критика», — пишет автор [11. С. 358].

«В вашем мире я — прохожий» — транскультурный текст, который охватывает сразу несколько этнокультурных дискурсов: национальный, восточный, русский, западноевропейский, северо- и латиноамериканский. Такая поликультурность в контексте постмодерна является логической реакцией на глобализацию человеческих отношений. Это один из самых мощных элементов постмодернистской литературы — стремление к максимально полному интертекстуальному охвату мировой культуры.

Герои романа очень часто обращаются к фольклору — кавказским легендам, преданиям, мифологемам и этнографизмам из исторически дистанцированной и повседневной жизни адыгов. Среди них Уархаг, Натухаевский князь, Сафарбий Зан, фольклорная песня «Пшинабль», Сосруко, Барамбух, упоминание о синдах и меотах, испах, нартух. Примечательна также интертекстуальная отсылка к стихотворению «По ночам, когда в тумане...» Максимилиана Волошина, выведенная в названии романа. Она подчеркивает ситуацию «трансбытия», пограничное сознание, парадоксальную онтологию человека, лишённого места, обычаев и традиции:

Да, я помню мир иной —
Полустертый, непохожий,
В вашем мире я — прохожий,
Близкий всем, всему чужой [12. С. 40].

Выбор этого автора не случаен. По признанию М.В. Тлостановой, в Волоши не есть особое странничество, которое является близким (годами жил в Париже, ходил с караванами по туркестанской пустыне, при этом читая Ницше, знал все о любимой Киммерии) [11. С. 361].

В романе Д. Дамиан поднимаются сложные вопросы онтологического порядка, связанные с национальной принадлежностью человека, его «внутренними координатами», понятиями «дом» и «язык». Во всем этом отражается особенное состояние человека эпохи глобализации, чей культурный код может иметь самые разные формы и уровни корреляции с другими культурными кодами.

Отличительные черты поэтики романа — ироническое повествование и переосмысление традиционных ценностей, обращение к гротеску, фантастике, но одновременно в тексте присутствуют элементы лиричности и эмоциональности. Общее настроение маленькой героини выражается в строчках:

Но взгляд ее то и дело уносился за ограду, на свободу, почему-то устремлялся ввысь, сначала к верхним ветвям старого дуба, а потом к небу, к солнцу, упорно висевшему высоко-высоко и не желавшему закатываться [6. С. 9].

С ощущением внестереотипности героиня сталкивается еще в детстве, когда ей задают вопрос: «Дина, ну что же ты, на этой качеле катаются вдвоем, ты разве не знаешь?» [6. С. 10]. Знаком романтического двоемирия отмечена стопка книг героини для летнего чтения, как и частые болезни, которые помогают героине оторваться от «уродливой реальности и очутиться в другом, волшебном мире, хотя бы на время» [6. С. 15].

Важным для постмодернистского понимания реальности является эпизод, в котором описываются чувства настороженности Дины по отношению к окружающему миру:

Ей хотелось заткнуть уши, потому что болела голова, а еще хотелось быстрее вырваться из этой столовой на волю. Как всегда, она старалась уйти в себя и отключиться от окружающего [6. С. 18].

Душевные чувства героини переходят в симптоматику — внешнее оказывается следствием внутреннего самочувствия: «Голова кружилась, ее подташнивало, болел живот» [6. С. 30]. С отрицательной коннотацией представлены в романе и пейзажные зарисовки, которые в трагически-иронической форме сменяют настроение главной героини. Дина рассказывает, что на детской площадке, куда их вывели поиграть, «пахло прелой листвой и мокрым песком» [6. С. 8].

Подобно экзистенциальной «тошноте» Ж.-П. Сартра чувство тревоги и нарушения внутренней гармонии переходят в фазу телесного, когда весь организм протестует против бесприютного, даже агрессивного пространства. В этом особый намек на постмодерн, учитывая тонкую линию чувств, с помощью которой герой самоустраняется из предложенных обстоятельств и совершает эскейпизм в мир внутренней гармонии, переключая внимание к близким и увлекательным занятиям.

Ощущение экзистенциального тупика охватывает ее, когда приходится «карабкаться на гору»: «Динке стало муторно и тошно» [6. С. 22]. Ироничные на

первый взгляд обстоятельства порождают у девочки стойкое ощущение чуждости всему материальному миру вместе с его обитателями. Моменты эмоционального опустошения героини резонируют с ее собственными мечтаниями:

хотелось побродить по прибрежным отмелям, посидеть на скалах, подставив лицо солнцу, ветру, морским брызгам и терпкому запаху трав, помолчать и послушать музыку моря и крики чаек [6. С. 22].

В новелле «Поездка на Кавказ» уже повзрослевшая Дина отправляется в путешествие «по воспоминаниям», посещая те места, где когда-то она провела счастливое детство. Здесь обнаруживается неявная, но весьма символическая интертекстуальная отсылка к стихотворению Иосифа Бродского «От окраины к центру», где герой возвращается в локации своей юности.

Вот я вновь посетил
эту местность любви, полуостров заводов,
парадиз мастерских и аркадию фабрик,
рай речных пароходов,
я опять прошептал:
вот я снова в младенческих ларах... [7. С. 14]

...Неужели не я? Что-то здесь навсегда изменилось [7. С. 16].

Подобно лирическому герою И. Бродского Диана не испытывает ностальгических чувств по отношению к родным местам своего детства:

Мы пошли по узкой и тихой боковой улочке, которая теперь называлась проспектом, и вскоре дошли до моего дома. Был ли он моим? Не знаю, во мне абсолютно ничего не шевельнулось... [6. С. 157].

Даже визуальные картинки, связанные с «природой» (выражение Гачева), живописным ландшафтом, лесом, флорой, которые всегда по-особенному ощущаются этнофорами Кавказа, не были восприняты дамиановской странницей как «дом». Рассматривая «желтеющий лес» и «заросли мушмулы», героиня сначала восхищается, а затем произносит: «но почему-то они так и не стали моими» [6. С. 161].

Судьбы двух авторов — И. Бродского и Д. Дамян — кажутся типологически сходными. Их персональные биографии и биографии их литературных персонажей определяются символикой странничества и метакодом скитальца, у которого есть мир как своеобразное единое пространство, а не только этническая составляющая. Не сговариваясь, оба писателя дают похожие ответы и на часто задаваемый вопрос: «Почему Вы не живете в месте, где Вы родились?» Дина Дамян словами своей героини говорит о том, что «человек тянется к прежним местам его жизни, если с ними связано что-то приятное. Обычно, это люди и человеческие отношения. Природа, как ни красива, но холодна и бездушна» [6. С. 168]. В другом источнике писательница уточняет: «Но люди, что были моим домом, ушли в иной мир навсегда» [13. С. 421]. Иосиф Бродский в одном из интервью, отвечая на вопрос о возвращении на родину, дает следующий ответ: «Там

осталось некоторое количество друзей, да; те, кто мне были дороже всех, либо мертвы, либо за кем-нибудь замужем» [14].

По словам Владимира Набокова, «искусство писателя — вот его подлинный паспорт» [15. С. 64]. Личность и этническая составляющая определяются текстами, которые создает любой автор. При осмыслении художественного «паспорта» двух писателей вспоминается термин, который ввела в литературоведческую науку М. Глостанова, — «внутренний чужой». Под ним подразумевается человек, не ощущающий рамок пространства, не живущий в уютном мирке собственного «национального», не определяющий других словами «иной» или «иная». Такой человек, как правило, своим диалектическим зрением способен увидеть угрозу упадка и перспективу нового пути, по которому и движется сам, расширяя собственное культурное сознание, однако зачастую остается непонятым окружающими. Это объяснимо, ведь писатель — всегда человек будущего, часто «предсказатель» инновационного.

Еще одним важным символом новеллы «Поездка на Кавказ» стал образ ребенка, который наделен даром искренности выражения своих мыслей. Еще со времен романтической эпохи, которая установила культ ребенка, этот образ в произведениях играл значительную роль, являясь воплощением непосредственной доброты, мудрости, честности, радости или злости, никаких полутонов, поскольку дети могут испытывать только сильные и яркие эмоции. Этот символ в мировой литературе был противоположностью лживой и холодной действительности, войны, злости и ненависти. От лица маленького взрослого начинается роман, этот же образ появляется в следующих новеллах. Благодаря уникальной форме, мы воспринимаем эпизоды с помощью двух голосов — матери и сына. Эпизод, в котором персонажи пришли на конференцию, где собрались «местный бомонд, околотитературная публика, студенты и радители местной культуры», вызывает в героине смешанные чувства, но, как и прежде, отрицательные, однако свой рассказ о работе и творчестве она начинает «уверенным голосом» [6. С. 165]. Внутренний монолог сидящего рядом сына: «Маме тоже страшно, я это чувствую. Я знаю, каково ей» [6. С. 165].

Вообще к персонажам молодым, к студентам героиня романа относится более лояльно, чем к людям старше:

Студенты с задних рядов, читавшие мои книги, интересовались творческим процессом, героями, но вот поднялась рука ядовитой дамы... «Я прочла ваш рассказ о маракуйе. Скажите, пожалуйста, вам не стыдно писать подобные вещи?» [6. С. 166].

Важным и символическим является то, что вопрос задает именно человек старшего поколения, носитель советского мировоззрения, — в этом есть особая отсылка к старой идеологии, которая формировалась под влиянием цензуры. Люди такого консервативного склада ума, по версии автора, с трудом привыкают к новшествам, отрицательно относятся к инновационным идеям, поскольку долгие годы жили за железным занавесом. Иное мышление у молодых людей, которые родились в иное время. В этом есть особое восточно-западное столкновение: условно европейская молодость и восточная пожилая мудрость. В своем синтезе

эти две парадигмы могут создать идеальное сочетание, соединяя опыт и современность. К этому и подталкивает нас роман Дины Дамиан.

Гендерная маркированность текста обусловлена пониманием неотвратимой трансформации традиционных понятий женского и мужского, их переосмыслением и новой трактовкой. В начале нового тысячелетия термин «гендер» и его производные проникли в сферу практически всех гуманитарных дисциплин, включая фольклористику, литературоведение, лингвокультурологию. На дискурсивной арене появились интересные, результативные труды, посвященные отличительным особенностям культурных конструкторов «женское» и «мужское» в произведениях авторов-мужчин и авторов-женщин. Как отмечают современные гендерологи, «феноменальные явления, связанные со спецификой masculinity и femininity, позволили по-новому взглянуть на известные, казалось бы, давно изученные вещи» [16. С. 12].

Дина Дамиан стала той писательницей, которая практику гендерной деконструкции «мужских текстов» привнесла в русскую классику и одновременно по касательной линии и в северокавказскую. Главная героиня ее романа (одновременно и повествовательница) находит в себе смелость критически осмыслить классические романы М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» и рассказы Р. Киплинга. В основе ее рассуждений лежит мысль о том, что Печорин вовсе не такой «герой» даже в ироничном понимании этого слова, а женские образы в романах выглядят достаточно «бессловесно» и не по-настоящему. «Изюминкой» романа является сновидение Дины, где она начисто переписывает историю Бэлы, воссоздает ее настоящий голос, прибавляет ей силы и мужества убить Печорина: иронично, в панк-стилистике, авторски.

«It was Written in the Stars... Это было предсказано звездами» [6. С. 127]. Писатель абсолютно новаторского толка Дина Дамиан (Мадина Тлостанова) ломает излюбленные в национальном космосе представления об общих родовых корнях, о родословном древе с этническим уклоном как источнике силы и ума. По словам З.А. Кучуковой, философия Дины Дамиан не строится на привязанности к эпохе или родоплеменным совещаниям [10. С. 354].

По-философски решая вопрос самоидентификации, героиня выбирает желание быть «птицей», а не «деревом», которое навсегда привязано к этнической почве своей мощной корневой системой. Архетипический образ «птицы» не раз встречается в тексте: это может быть чайка, которая пролетает над водой, или горная птица, например:

А «канатка» оказалась просто классной! Висишь в креслице высоко-высоко в небе, и оно медленно едет над лесом и над горой и над рекой и над озером, а ты смотришь вниз и вокруг и почти летишь [6. С. 162].

В одном из интервью М. Тлостанова цитирует микроэссе, взятое из авторского интернет-проекта «С Востока на Восток»: «Мне импонирует определение Х. Бабы — “внедомность”. Не бездомность, а именно внедомность, ощущение поменявшихся местами дома и мира, жизнь вне константы “дома”. Это и мое собственное состояние, причем с каждым переездом в новый город или новую

страну я становлюсь все более внедомной. Для меня дом — это люди, а не стены, города или горы. И еще дом — это книги. Их можно перевозить из страны в страну в коробках или хранить в облачных хранилищах. Мой удел — быть странником, птицей, чей дом там, где она поет песню» [13. С. 421].

Книга Дины Дамиан — настоящая энциклопедия мировой культуры, космос, в котором гармонично уживаются три разнотипные культуры: национальная, русская и мировая. В романе представлены лучшие образцы мировой литературы и фольклора, философской мысли. Само пространство текста есть микромир этого сложного, многомерного транскультурного мира.

Заключение

Философия постмодернизма создает новую реальность, где «поломанный» человек переосмысливает до неузнаваемости всю историю с самого начала и интерпретирует ее, совмещая все жанры, общественные течения, не разделяя жизнь (реальность) и искусство, мужское и женское, национальное и всеобщее, превращая все в единое культурное пространство.

В рамках гачевской теории ускоренного развития к первому десятилетию XXI в. на юге России сложилась эстетически полноценная художественная субкультура с типологическим названием «северокавказская постмодернистская литература». Ее философские корни определяются новыми «экзистенциальными законами», позволяющими человеку иронично переосмысливать базисные, традиционные ценности. Человек с этническим метакодом старается понять Новейшее время путем выхода за границы своего знания и привычного описания вещей.

Основу социально-исторических корней северокавказского постмодернизма составляют события, обусловленные трагедией Кавказской войны и насильственным выселением (депортацией) в разные периоды времени целого ряда горских автохтонных горских народов в Турцию, Сирию, Иорданию, Среднюю Азию и Казахстан. Культурные корни постмодернизма восходят к принципу романтического двоемирия, порождающему в своей расширенной версии идею многомерности человека, его кросс-культурной, транскультурной, поликультурной вариативности.

Вершинной формой северокавказской постмодернистской прозы на сегодняшний день можно считать новеллистический роман Дины Дамиан (Медины Глостановой) «В вашем мире я — прохожий». Сам образ главной героини, человека с «рассеченными корнями», служит символическим знаком принадлежности данного произведения как ко всей мировой культуре, так и к отдельно взятой северокавказской литературной школе. В поэтологическом отношении отличительными чертами романа являются: плотность интертекстуального пространства, ироническое переосмысление традиционных ценностей, пародия, гротеск, гендерная деконструкция классических текстов. Воспитательный потенциал романа заключается в том, что он учит читателя смотреть на привычные вещи под другим углом зрения, формировать независимые от каких-либо учений свои собственные оригинальные суждения.

Список литературы

1. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо: Алгоритм, 2008.
2. *Гачев Г.Д.* Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М.: Художественная литература, 1989.
3. *Гуртуева Т.Б.* Маленький человек с большой буквы. Поэзия Северного Кавказа в контексте постмодернизма. Нальчик: Эльбрус, 1994.
4. *Тарковский А.А.* Художественный фильм «Солярис», серия 2. 1972. Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xXa6XpaxBS0>
5. *Кешоков А.П.* Корни: роман / пер. с каб. Л.М. Маремкуловой. Нальчик: Эльбрус, 2009.
6. *Дамиан Дина.* В вашем мире я — прохожий М.: КомКнига, 2006.
7. *Бродский И.А.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2019.
8. *Глостанова М.В.* У меня это не вызывает никакой реакции, кроме улыбки // Газета Юга. 2008. 12 июня.
9. *Тхагапсоев Х.Г.* Увидеть культуру из ее потайных уголков — во имя культуры // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук. 2021. Т. 21. № 3. С. 91—98.
10. *Кучукова З.А.* Просветительский роман Дины Дамиан // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. XVII. Вып. 3-4 (№ 87—88). С. 342—364.
11. *Глостанова М.В.* «Сообщество перемещенных авторов», или ответ «прохожего» // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. XVII. Вып. 3-4 (№ 87—88). С. 342—364.
12. *Волошин М.* Собрание сочинений. В 13 т. Т. I. Стихотворения и поэмы. М.: Эллис Лак, 2003.
13. *Глостанова М.В., Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.* «За бортом»: интервью с Мадиной Глостановой // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 415—421. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-415-421
14. *Бродский И.А.* Монолог. Передача телеканала НТВ от 28 января, 2003. URL: <https://gunetka.livejournal.com/110942.html>
15. *Набоков В.В.* Набоков о Набокове. Интервью 1932—1977 годов. М.: Независимая газета, 2002.
16. *Хараева Л.Ф., Кучукова З.А.* Гендер и этногендер. Нальчик: Принт Центр, 2018. 191 с.

References

1. Gachev, G.D. 2008. Mental'nosti narodov mira. Moscow: Eksmo publ., Algoritm publ. Print. (In Russ.)
2. Gachev, G.D. 1989. Neminueмое: Uskorennoe razvitie literatury. Moscow: Hudozhestvennaja literatura publ. Print. (In Russ.)
3. Gurtueva, T.B. 1994. Malen'kij chelovek s bol'shoj bukvy. Pojezija Severnogo Kavkaza v kontekste postmodernizma. Nal'chik «Jel'brus» publ. Print. (In Russ.)
4. Tarkovskij, A.A. 1972. Soljaris, serija 2. Hudozhestvennyj fil'm URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xXa6XpaxBS0>
5. Keshokov, A.P. 2009. Kornj. Translated by L.M. Maremkulovoj. Nal'chik: Jel'brus publ. Print. (In Russ.)
6. Damian, D. 2006. V vashem mire ja — prohozhij. Moscow: KomKniga publ. Print. (In Russ.)
7. Brodskij, I.A. 2019. Maloe sobranie sochinenij. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus publ. Print. (In Russ.)
8. Tlostanova M.V. 2008, 12 ijunja. "U menja jeto ne vzyvayet nikakoj reakcii, krome ulybki". Gazeta Juga publ. Print. (In Russ.)
9. Thagapsoev, H.G. 2021. "Uvidet' kul'turu iz ee potajnyh ugołkov — vo imja kul'tury". In Doklady Adygskoj (Cherkesskoj) Mezhdunarodnoj Akademii nauk. Vol. 21. No 3. Pp. 91—98. Print. (In Russ.)
10. Kuchukova, Z.A. 2015. "Prosvetitel'skij roman Diny Damian". Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. Vol. XVII. Issue 3-4 (№ 87—88). Pp. 342—364. Print. (In Russ.)

11. Tlostanova, M.V. 2015. “‘Soobshhestvo peremeshhennyh avtorov’, ili otvet ‘prohozhego’”. In *Lichnost’*. Kul’tura. Obshhestvo. Vol. XVII. Issue. 3-4 (№ 87—88). Pp. 342—364. Print. (In Russ.)
12. Voloshin, M. 2003. *Sobranie sochinenij v 13 tt. Vol. I. Stihotvoreniya i pojemy*. Moscow: Jellis Lak publ. Print. (In Russ.)
13. Tlostanova, M.V., Bahtikireeva U.M., Valikova O.A. 2020. “‘Za bortom’: interv’ju s Madinoj Tlostanovoj”. *Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki* 17 (3): 415—421. DOI 10.22363/2618-897H-2020-17-3-415-421
14. Brodskij, I.A. 2003. «Monolog». *Peredacha telekanala NTV ot 28 janvarja*, URL: <https://runetka.livejournal.com/110942.html>
15. Nabokov, V.V. 2002. *Nabokov o Nabokove. Interv’ju 1932—1977 godov*. Moscow: Nezavisimaja gazeta. Print. (In Russ.)
16. Haraeva, L.F., Kuchukova Z.A. 2018. *Gender i jetnogender*. Nal’chik: Izdatel’skaja tipografija «Print Centr» publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Каспарова Армине Владимировна — аспирант, ассистент кафедры русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова. E-mail: armine07kasparova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4717-7244

Bio Note:

Armine Vladimirovna Kasparova is a Postgraduate Student, Assistant of the Department of Russian and Foreign Literature of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. E-mail: armine07kasparova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4717-7244